

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 20–29.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 4 (81). P. 20–29.

Научная статья
УДК 93/94:343.825
doi: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.002

**К ВОПРОСУ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И ТЮРЕМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АРЕСТАНТОВ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.**

Еременко Илья Павлович

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Россия
erembel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5261-6056>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации, особенности и основные методы духовно-нравственного воспитания арестантов в пенитенциарных учреждениях Саратовской губернии в середине XIX в. Предметом исследования являются процессы организации духовно-нравственного воздействия и обучения арестантов грамоте. Методологическую основу статьи составили принципы объективности, историзма, философский и общенаучные методы. Целью исследования является изучение воспитательного процесса в отношении лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы на его начальном этапе. В результате проведенной работы рассмотрен период становления и законодательного закрепления процесса обучения и духовно-нравственного воспитания арестантов, а также проблемы, возникавшие при реализации указанных документов. Сделан вывод о том, что главным образом духовно-нравственное исправление арестантов достигалось посредством обучения грамоте и письму. Также обращается внимание на то, что с арестантами проводились различного рода беседы о таинствах церкви, им предоставлялась светская и художественная литература, которая также имела важное значение для их духовно-нравственного исправления. Автор обращает внимание на то, что положительная динамика исправительного процесса находилась в прямой зависимости от уровня финансирования тюрем и наличия в них необходимых помещений для проведения исправительной работы.

Ключевые слова: тюрьма, священник, заключенный, исправление, воспитание, наказание, тюремная школа, тюремная церковь, тюремная библиотека, Саратовская губерния

Для цитирования: Еременко И. П. К вопросу духовно-нравственного воспитания и тюремного образования арестантов в Саратовской губернии в середине XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 20–29. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.002>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**TO THE QUESTION OF SPIRITUAL AND MORAL UPBRINGING AND PRISON EDUCATION
OF PRISONERS IN SARATOV PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY**

Ilya P. Eremenko

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia
erembel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5261-6056>

Abstract. The article deals with the organization, peculiarities and main methods of spiritual and moral education of prisoners in penitentiary institutions of Saratov province in the middle of the 19th century. The subject of the study is the processes of organization of spiritual and moral influence and literacy training of prisoners. The methodological basis of the article was formed by the principles of objectivity, historicism, philosophical and general scientific methods. The aim of the research is to study the educational process in relation to the persons serving a sentence of imprisonment at its initial

stage. As a result of the conducted work the period of formation and legislative fixation of the process of education and spiritual and moral education of prisoners, and also the problems arising at realization of the specified processes are considered. It is concluded that the spiritual and moral correction of prisoners was mainly achieved through literacy and writing. The author also draws attention to the fact that the prisoners were given various kinds of talks about the sacraments of the Church, secular and fiction literature, which was also important for their spiritual and moral correction. The author draws attention to the fact that the positive dynamics of the correctional process was in direct dependence on the level of financing of prisons and the availability of necessary facilities for all correctional work.

Keywords: prison, priest, prisoner, correction, education, punishment, prison school, prison church, prison library, Saratov Province

For citation: Eremenko I. P. To the question of spiritual and moral upbringing and prison education of prisoners in Saratov province in the middle of the 19th century. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 4 (81), pp. 20–29. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.002>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Вопросы духовно-нравственного воспитания арестантов как неотъемлемая часть процесса отбывания наказания к началу XIX в. все больше стали обсуждаться на правительственном уровне. Это было обусловлено прежде всего тем, что в рассматриваемый нами период времени состояние тюрем было весьма неудовлетворительным. Например, казармы были достаточно тесными, сами строения ветхими. Более того, существовали определенные проблемы с обеспечением арестантов продовольствием. Помимо этого, «тюремные сидельцы умирали без исповеди и причастия; настоящие правительства перед духовенством о посещении их, оставались без последствий, так как духовенство, поддерживаемое синодом, требовало жалованья, а дать его было не из чего» [15, с. 5].

Важную роль в процессе духовно-нравственного воспитания заключенных сыграло российское Общество попечительное о тюрьмах (далее – общество). Оно было сформировано в начале XIX в. в рамках проведения тюремной реформы. Ответственными за указанный процесс были отделения, а также комитеты общества.

Следует отметить, что деятельность общества регулировалась специальными правилами. Например, в соответствии с первой статьей таких правил устанавливалась главная задача общества, а именно – нравственное исправление осужденных. Во второй главе закреплялись способы разрешения поставленной задачи. Так, в ней говорилось о том, что представители общества должны проводить наставления в отношении заключенных, основанные на благочестии и нравственности. В соответствии с одиннадцатым правилом, заключенным должны были быть предоставлены духовные книги, а на территории самих тюрем возведены церкви [13, л. 2].

Основная часть

1838 г. ознаменовался формированием Саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета (далее – комитет). Здесь важно отметить главных лиц, которые были утверждены на должности: генерал-майор И. М. Бибиков (военный губернатор), епископ Саратовский, а также Царицынский, Иаков. Помимо этого, следует указать и на шестнадцать членов данного комитета. Среди них можно выделить священника Вазерского, протоиерея Вязовского и др. [2, л. 5]. Затем, начиная с 1841 г., в уездных городах Саратовской губернии стали открываться попечительные о тюрьмах отделения.

Конфессиональный и национальный состав Саратовской губернии всегда был весьма многообразным, что находило свое отражение и в тюремном населении. Помимо преобладающего большинства православных арестантов, в пенитенциарных

учреждениях губернии содержались также раскольники, хлысты, молокане, магометане, евреи, калмыки, лютеране и проч.

Сам архимандрит Иаков, будучи епископом Саратовским и Царицынским, заботился о всеобщем духовном просвещении, вел активную деятельность по обращению в единоверие старообрядцев. При его участии на территории Саратовской губернии было возведено около ста храмов, а при местном губернском тюремном замке его трудами был устроен и 10 января 1833 г. освящен каменный храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери. За годы управления Саратовской епархией епископом Иаковым было присоединено к православию около 20 тыс. раскольников и до 2 тыс. евреев и калмыков.

Такая активная деятельность пастыря естественным образом отражалась и на всех приходах епархии, в том числе находившихся в местах заключения. Донесения тюремных священников о желании арестантов присоединиться к православной церкви, в частности вольского – протоиерея Петра Бибикова, саратовского – Николая Вазерского, аткарского – Кирилла Дорнова и хвалынского – Николая Ремечова, свидетельствуют об этом [3, л. 1–4; 3, л. 2; 4, л. 1; 5, л. 1].

Рисунок. Апсида церкви Саратовской губернской тюрьмы (фото после 1917 г.)
[из фонда музея истории УФСИН России по Саратовской области]

Примером эффективности религиозных бесед и убеждений, проводимых с арестантами, служит рапорт священника Саратовского губернского тюремного замка Вазерского от 21 марта 1841 г. к «Преосвященнейшему Иакову господину вице-президенту комитета попечительного о тюрьмах епископу Саратовскому и Царицынскому», в котором он отчитывается о совершении крещения не просто над приверженцами мусульманского вероисповедания, а над двумя муллами, т. е. исламскими священнослужителями, знатоками Корана и религиозных обрядов [7, л. 1]. В целях исключения корыстного умысла неопита (новообращенного в православную веру) из числа арестантов, каждое прошение заключенного о принятии православной веры подкреплялось им подпиской, в которой арестант обязывался «до конца жизни содержать оное православие и свято хранить все уставы православной церкви, в противном случае подвергая себя суждению законов» [5, л. 2]. Помимо этого, тюремными священниками постоянно велся учет арестантов, бывавших и не бывавших на исповеди и причастия [5, л. 1].

Важнейшей частью духовно-нравственного исправления являлось богослужение. Но далеко не во всех уездных местах лишения свободы Саратовской губернии имелись собственные храмы или даже отдельное помещение для проведения богослужений. Процесс устройства храмов был весьма затруднительным. Прежде всего это было обусловлено тем, что тюрьмы не соответствовали тем требованиям, которые предъявлялись к объектам, нацеленным на содержание заключенных. Например, в качестве недостатков можно выделить несостоятельность управления тюремными объектами, ветхость зданий и т. д. [11, с. 504]. Все это не позволяло учреждать больницы и мастерские, а также разделять арестантов по определенным категориям.

Циркуляром Главного тюремного управления от 24 января 1891 г. № 3 в тюрьмах не имевших собственных церквей, при условии достаточного надзора и с согласия причта (группа лиц, служащих при каком-либо одном храме), было дозволено выводить срочных арестантов (приговоренных за воровство и другие преступления на разные сроки) в приходские и приписные церкви [12, с. 9].

Однако задолго до этого, в 1860 г., директорами Балашовского попечительного отделения о тюрьмах инициировались попытки решения проблемы отсутствия тюремной церкви. Обращаясь в комитет, они сообщали о том, что православные арестанты часто, «года два и более не бывают в Святой церкви, следовательно, невольно забывают слово Божие, обряд совершения Святой литургии и прочих Божественных служб». Директора также обращались с прошением к начальнику местной инвалидной команды с просьбой выделения конвоя для сопровождения арестантов в кладбищенскую церковь, хотя бы в день Пасхи. Попечительное отделение всякий раз получало отказ в удовлетворении данной просьбы, но в то же время через неделю выделялся конвой для сопровождения арестантов в баню, расположенную на таком же расстоянии, как и церковь [8, л. 1, 2].

Директорами отделения тогда был сделан следующий вывод: «военное начальство более находит полезным врачевать арестантов телесно, нежели душевно». Одновременно директора просили у комитета разрешения на надстройку здания тюрьмы для оборудования в ней церкви, в чем, однако, Саратовской губернской строительной и дорожной комиссией им было отказано, так как деревянные строения в два этажа законом «допускать воспрещалось» [9, л. 18].

С середины XIX в. процесс духовно-нравственного исправления арестантов постепенно начинает сопровождаться тюремным образованием. Русский ученый-правовед, криминолог, заслуженный профессор, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, автор трудов, посвященных тюремоведению, И. Я. Фойницкий считал, что под тюремным образованием следует понимать «совокупность мер тюремной деятельности, просвещающих ум арестанта, сообщающих упругость его мысли, расширяющих его умственный кругозор, знакомящих его с нравственными идеалами, восполняющих сумму его практических сведений» [16, с. 373].

10 июня 1861 г. в своем обращении в комитет Саратовский губернский прокурор С. Е. Кузнецов указывал на то, что с целью исполнения ст. 55 и п. 5 ст. 54 т. XIV Устава о содержащихся под стражей, в одной из губерний Российской империи для повышения уровня нравственности среди заключенных было определено в числе прочего «для чтения и обучения желающих, и в особенности несовершеннолетних, грамоте выписать некоторые, законом дозволенные, для чтения арестантам книги» [9, л. 1].

На основании одобрения министра юстиции графа В. Н. Панина, губернский прокурор указал Саратовскому попечительному о тюрьмах комитету распорядиться «распространением между арестантами обучения грамоте» [9, л. 2]. Рассмотрев указание прокурора, комитет принял решение: «а) занимать арестантов, по желанию грамотных чтением полезных книг, приравнительно их положению, а неграмотных обучать грамоте; б) лучше устроить обучение арестантов грамоте, чтение ими полезных книг и, вообще, руководство их к честной и Христианской жизни» [9, л. 6].

Результатом всего этого стало то, что при Саратовском тюремном замке с 1861 г. стала действовать школа арестантов, которая включала в себя два отдела: первый был направлен на то, чтобы осуществлять процесс обучения заключенных грамоте, а второй предусматривал устное обучение осужденных церковным обрядам и нравственным истинам [10, л. 24]. Обязанность обучения возлагалась на тюремного священника при содействии диакона.

Согласно исследованиям российского и советского ученого-правоведа, криминолога и специалиста по уголовно-исполнительному праву М. Н. Гернета, даже после образования в 1879 г. Главного тюремного управления первые тюремные библиотеки были организованы при некоторых местах заключения Российской империи лишь в 17 губерниях, в 1890–1891 гг. – в 31 губернии и в первое пятилетие XX в. – в 11 губерниях [1, с. 387].

Однако библиотека Саратовского тюремного замка до 1862 г. состояла из 206 экземпляров книг. В 1863 г. она пополнилась такими книгами, как: «Минуты уединенных размышлений христианина», «Алфавит духовный Св. Димитрия», «Письма Святогорца» и т. п., выписывались журналы: «Душеполезное чтение», «Дух христианина» и «Путешествие вокруг света». Имевшиеся изначально книги также были преимущественно духовного содержания.

В то же время были приобретены следующие книги: «Жития Святых» на русском языке в четырех частях, «Книга премудрости Иисуса сына Сирахова» в русском переводе, «География или описание Земли» в четырех частях, «Песни и пословицы русского народа», «История царя Петра Великого», «Странствие вокруг Света» и пр. Из перечисленных наименований видно, что обучение арестантов не заканчивалось исключительно чтением книг духовного содержания, а напротив, включало в себя вполне светские и учебные издания. Большую роль в пополнении тюремной библиотеки книгами играли пожертвования предводителя губернского дворянства князя В. А. Щербатова – будущего саратовского губернатора [10, л. 4].

Саратовский полицеймейстер подполковник М. Д. Позняк за свой счет снабдил школу Саратовского губернского тюремного замка скамьями, купец П. М. Попов также на собственные средства благоустроил камеру школы шпалерами, а в улучшении библиотеки непосредственное участие принимал губернский прокурор Карнилевский [10, л. 28].

Священник Саратовского тюремного замка Петр Терновский отличался особым усердием в деле учительства в тюремной школе и со времени своего поступления на службу при тюремном храме приобрел ему приношений на сумму до 4 тыс. рублей и в целом «держал свою церковь в замечательном, при скудности средств, благолепии», чем и заслужил «через начальственное благоволение священническую скуфью» [10, л. 28 об.].

Говоря о положении дел в тюрьмах уездных городов Саратовской губернии, следует отметить, что в большинство попечительных о тюрьмах отделений, несмотря на скромные суммы, имевшиеся в их распоряжении, стремились к повышению духовно-нравственного и образовательного уровня арестантов исходя из своих возможностей. Так, Хвалынским отделением с 1862 г. выписывались разнообразные книги, был нанят учитель для организации обучения арестантов грамоте и для занятия чтением уже грамотных. Отбор книг и контроль процесса обучения по собственной инициативе принял на себя директор отделения протоирей И. В. Любомудров. Помимо этого, директорами отделения в одной из камер Хвалынского тюремного замка были установлены стол, шкаф и стенные доски, а также закуплены несколько экземпляров Святого Евангелия и азбук, розданные по камерам [9, л. 26].

Петровским попечительным отделением также были приобретены книги Священного Писания и Четьи-Минеи, которые самостоятельно читались грамотными арестантами в камерах. Обучение безграмотных не производилось, а духовно-нравственное воздействие ограничивалось богослужениями по праздничным дням и в дни Великого поста, проводившимися в отдельной камере-часовне местным священником Ликаонским.

Среди других уездных отделений попечительных о тюрьмах стоит особо отметить директора и казначея Балашовского отделения купца Л. Г. Огурцова, который в 1860-е гг. полностью брал на себя обеспечение процесса обучения арестантов грамоте, из своих собственных средств нанимал учителей, снабжал арестантов книгами, бумагой, перьями, чернилами и всем необходимым [9, л. 17].

Леонид Григорьевич полностью покрывал расходы Балашовской тюрьмы на многие бытовые нужды арестантов, обустроивал на летний период в тюремном дворе душ и организовывал подвоз чистой воды для него, закупал для приговоренных к ссылке в Сибирь подкандальники и много другое. Кроме того, вместе с другими директорами Балашовского попечительного отделения Л. Г. Огурцов ходатайствовал перед комитетом о выделении к имеющимся в наличии отделения 4 000 руб. еще 2 000 руб. для постройки тюремной церкви, при этом он обязывался в течение двух последующих за постройкой церкви лет брать на свой счет расходы на свечи, ладан, вино и просфоры. Впрочем, постройку церкви не разрешили, о чем упоминалось выше.

С декабря 1861 г. арестанты Балашовской тюрьмы стали обучаться грамоте. Большинство из них приняло обучение с охотой и достигали определенных результатов. Тогда по инициативе Л. Г. Огурцова наемный учитель стал преподавать арестантам чтение и пение молитв, для чего последние не более чем на час собирались до 40 человек в одну камеру, а затем расходились. Данному процессу воспрепятствовали смотритель тюремного замка и начальник местной инвалидной команды, запретившие массовое скопление арестантов в одном помещении. Необходимо отметить, что в это же время, например в Саратовской тюрьме, в одной камере одновременно и постоянно могло содержаться до 80 человек [8, л. 24, 25].

Таблица. Ведомость арестантов Балашовского тюремного замка, обучавшихся грамоте, за январь – февраль 1862 г. [9, л. 32]

Имя и фамилия арестанта		В январе	В феврале
1	Николай Юдкин	Читал книги славянской и гражданской печати, писал на бумаге крупным почерком	Писал на бумаге мелким почерком
2	Максим Стручков	Читал книги славянской и гражданской печати, писал на бумаге крупным почерком	Писал на бумаге мелким почерком
3	Федор Ефремов	Читал односложные и двусложные слова по складам	Читал 7-е предложение по складам, писал на доске буквы
4	Симеон Ростоштинский	Читал двух-, трех- и четырехсложные слова по складам	Читал 5-е упражнение, фразы по складам
5	Анисим Сироткин	Читал двусложные слова по складам	Читал упражнение 3-е, фразы по складам
6	Павел Дехтярев	Читал слова по складам	Читал многосложные слова по складам
7	Андрей Бикусов	Читал двусложные слова по складам	Читал фразы по складам
8	Иван Гамонов	Читал упражнение 2-е, фразы по складам	Читал упражнение 3-е, фразы по складам
9	Трофим Афанасьев	Читал односложные слова по складам	Читал односложные слова по складам
10	Алексей Лимановский	Читал двусложные слова по складам	Читал двусложные слова по складам
11	Прокофий Бирюков	Читал двусложные слова по складам	Читал четырехсложные слова по складам
12	Иван Гаманов	Читал упражнение 4-е, фразы по складам	Не желает учиться

Продолжение табл.

Имя и фамилия арестанта		В январе	В феврале
13	Трофим Абрамов	Читал упражнение 4-е, фразы по складам	Не желает учиться
14	Александр Каданов	Читал книги славянской и гражданской печати, писал на бумаге крупным почерком	Писал на бумаге мелким почерком
15	Павел Новичков	Читал упражнения 1–8 и фразы по складам	Читал упражнения в чтении для умственного развития, пишет на доске все буквы
16	Александр Воинов	Читал упражнение 3-е, фразы по складам	Читал упражнение 4-е, фразы по складам
17	Давыд Талашов	Ничего не знает	Ничего не знает
18	Федор Савин	Ничего не знает	Ничего не знает

Меньшие достижения показывали арестанты Сердобского тюремного замка, где их обучением чтению, письму, арифметике и духовному пению с марта 1863 г. занимался арестант Владимир Никитин Остленев (он же Владимиров), происходивший из Санкт-Петербургских мещан и содержавшийся в Сердобском тюремном замке за самовольную отлучку в 1862 г. из-под надзора Сердобской полиции.

За свою деятельность Владимирову отделением было назначено вознаграждение в размере 5 руб. серебром ежемесячно. Обучение происходило в одной из камер тюрьмы в дневное время суток. Тем не менее ряд арестантов просили у директоров местного попечительного отделения разрешения на выдачу в их камеры ежедневно по одной сальной свече, дабы и в вечернее время они могли учиться читать и писать.

Интересным свидетельством желания арестантов Сердобской тюрьмы к обучению является их коллективное письмо в местное отделение: «Гѣтради на благоусмотрѣнія ГГ. дирѣкторамъ Сѣрдобскаго тюрѣмнаго отдѣленія орестанскихъ учениковъ намъ выпалъ жребій заявить предъ вами свой голосъ, то и просимъ прослѣдить в глубине чувствъ нашего сознанія которое подъ симъ слабымъ перомъ и не ученый сложности можемъ выразить ГГ. директорамъ премногая и навсегдашнія благодаренія за спомоществованія и навсегдашнія попеченіе объ арестантовъ чрезъ что мы просвѣтились и просвѣщаемся гдѣ прежде мы вотьме блуждали ниразличая благо спреступнымъ но таперича подвизаяся съ прошеніямъ ко Господу нашему Іисусу Христу надѣямы на предъбудущій разъ поступать благоразумнее прежняго и зато приносимъ царю царствующему и всему царскому дому какъ только можетъ сердце наше признать и принести русское спасибо и земной поклонъ» [9, л. 115–130].

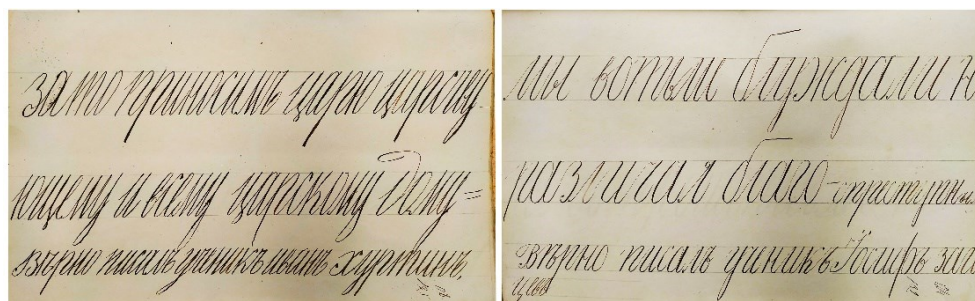

Рисунок 2. Две страницы из коллективного письма арестантов Сердобского тюремного замка [9, л. 124, 128]

Но, как и в Балашовской, в образовательный процесс арестантов Сердобской тюрьмы вмешалось военное начальство. Саратовский губернский воинский начальник – полковник барон Сакин – предписал начальнику Сердобской уездной команды

и старшим караульным унтер-офицерам запретить срочным и пересыльным арестантам военного и гражданского ведомств иметь при себе какие-либо письменные принадлежности, дабы исключить возможность написания ими различного рода прошений и дальнейшей отправки их, минуя лиц прокурорского надзора [9, л. 186].

Полковник Сакин ссылаясь на ст. 41, 42 и 43 Инструкции смотрителю губернского тюремного замка. Статья 41 гласила, что «арестантам воспрещается иметь чернила, бумагу, карандаши и тому подобное». Одновременно с этим ст. 42 и 43 содержали такие требования, исполнение которых смотрителям уездной тюрьмы совершенно невозможно было реализовать. Например, при любом желании арестанта что-либо писать, смотритель обязан был прежде спросить на это разрешение у губернского прокурора, который находился в Саратове, более чем в 150 км от Сердобска [14, с. 175, 176].

Статья 42 Устава о содержащихся под стражей 1857 г., определявшая порядок и суммы ежегодного пожертвования директоров попечительных о тюрьмах комитетов и отделений, гласила, что духовные лица и медики освобождались от этой обязанности, так как они «... принявшие на себя безвозмездно пещись о нравственном и физическом положении арестантов» [14, с. 12].

В то же время были случаи несоблюдения указанных требований. Например, в Аткарском попечительном отделении обучение арестантов грамоте и занятия чтением были возложены на директора этого же отделения протоиерея Ансерова. Он, в свою очередь, полностью отказался от этих обязанностей «по неимению на это времени по ежедневному занятию его в духовном правлении, Аткарском приходском училище, куда он правительством прикомандирован законоучителем и сверх этого по постоянным тревам прихожан». Таким образом арестанты Аткарского тюремного замка не обучались вовсе [9, л. 29, 30].

Исходя из вышесказанного, можно заметить, что интеллектуальное образование арестантов было более представлено в губернской тюрьме, в то время как в уездных тюрьмах оно носило характер почти исключительно нравственный и религиозный. При всех местах заключения в первую очередь заботились о наличии тюремного священника, а посещение церкви рассматривалось как неременная обязанность арестантов. Образование же интеллектуальное считалось или вовсе лишним, или по большей мере «необходимым настолько, насколько успех религиозных факторов зависел от просвещения ума» [16, с. 373, 374].

Выводы

В целом духовно-нравственное исправление арестантов в пенитенциарных учреждениях Саратовской губернии в середине XIX в. достигалось путем обучения грамоте и письму, расширения их кругозора чтением различной светской и художественной литературы, приобщением к нормам морально-этического поведения через беседы, духовное просвещение и таинства церкви.

Исключительно религиозное образование, применявшееся в пенитенциарных учреждениях Российской империи в первой половине XIX в., не приносило весомых результатов, способных снизить уровень рецидива преступности. Субъективизм, выражавшийся в идее воздействия только лишь на волю арестанта как на человека безнравственного, вставшего на путь преступления, являлся главной причиной изначальной малоуспешности исправления лиц, отбывавших наказания в виде лишения свободы.

Открытие тюремных школ и библиотек, начавшееся во второй половине XIX в., способствовало распространению интеллектуального образования. Получение знаний, необходимых арестантам по освобождению, или, по крайней мере, возможность дать им понимание о необходимости приобретения знаний вкупе с мерами, направленными на ознакомление с общими началами социальной и индивидуальной нравственности, давало возможность к самоопределению преступника, его ресоциализации.

Тяжелое время праздности, в котором часто пребывали арестанты, провоцировало в местах общего заключения ссоры, драки, нарушение дисциплины, в одиночных – самоубийства. Религиозные и научные беседы, а также чтение книг, безусловно,

позволяло поддерживать в арестантах осознание связей с обществом. В свою очередь, каждый заключенный был волен обратиться к образованию или оставаться в праздности.

Необходимо также отметить, что успешность и сама организация процесса исправления зависели не только от достаточного финансирования и наличия помещений для нужд тюремных церкви, школы, библиотеки, но и напрямую от инициативности и благосклонности священнослужителей, администрации и членов попечительных о тюрьмах комитета и отделений. Закрепление на законодательном уровне обязанности попечительных комитетов, администрации тюрем и священнослужителей по духовно-нравственному исправлению арестантов, а также пожертвования, производившиеся в тюремные библиотеки, школы и церкви, способствовало развитию успеха в деле воспитания и исправления людей, преступивших закон.

Тем не менее отсутствие систематизации и единого органа управления местами заключения Российской империи, четкой правовой регламентации деятельности пениitenciарных учреждений, а также имевшая место несостоятельность тюремной администрации часто затрудняли процессы перевоспитания и обучения арестантов.

Список литературы

1. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – 3-е изд., доп. – Москва : Госюриздат, 1961. – 430 с.
2. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАСО. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 614.
4. ГАСО. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 618.
5. ГАСО. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 620.
6. ГАСО. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 737.
7. ГАСО. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 1013.
8. ГАСО. – Ф. 387. – Оп. 1. – Д. 118.
9. ГАСО. – Ф. 387. – Оп. 1. – Д. 125.
10. ГАСО. – Ф. 387. – Оп. 1. – Д. 128.
11. Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. Изданы Министерством внутренних дел, по сведениям, доставленным от начальников губерний. – Санкт-Петербург : Тип. Мин-ва внутренних дел, 1865. – 668 с.
12. Приложение // Тюремный вестник. – 1893. – № 1.
13. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1287. – Оп. 11. – Д. 1858.
14. Свод Законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – Т. 14: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. Свод Учреждений и Уставов о содержащихся под стражею. – 909 с.
15. Фридман, Е. Ф. Материалы к изучению тюремного вопроса / Е. Ф. Фридман. – Санкт-Петербург : Паровая тип. Муллер и Богельман, 1894. – 46 с.
16. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. – 504 с.

References

1. Gernet, M. N. *Istoriya tsarskoy tyurmy* [History of the Tsar's Prison]. 3rd ed. Moscow: Gosurizdat, 1961, vol. 3, 430 p.
2. *State Archive of the Saratov Region*. Found 135, inventory 1, case 1.
3. *State Archive of the Saratov Region*. Found 135, inventory 1, case 614.
4. *State Archive of the Saratov Region*. Found 135, inventory 1, case 618.
5. *State Archive of the Saratov Region*. Found 135, inventory 1, case 620.
6. *State Archive of the Saratov Region*. Found 135, inventory 1, case 737.
7. *State Archive of the Saratov Region*. Found 135, inventory 1, case 1013.
8. *State Archive of the Saratov Region*. Found 387, inventory 1, case 118.
9. *State Archive of the Saratov Region*. Found 387, inventory 1, case 125.
10. *State Archive of the Saratov Region*. Found 387, inventory 1, case 128.
11. *Materialy po voprosu o preobrazovanii tyuremnoy chasti v Rossii. Izdany Ministerstvom vnutrennikh del, po svedeniyam, dostavlennym ot nachalnikov guberniy* [Materials on the transformation of the prison part in Russia. Published by the Ministry of Internal Affairs, according to information delivered from the chiefs of provinces]. St. Petersburg: Tipografyya Ministerstva vnutrennikh del; 1865, 668 p.

12. Prilozhenie [Application]. *Tyuremnyy vestnik* [Prison Gazette]. 1893, no. 1.
13. *Russian State Historical Archive*. Found 1287, inventory 11, case 1858.
14. *Svod Zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii; 1857, vol. 14, 909 p.
15. Fridman, E. F. *Materialy k izucheniyu tyuremnogo voprosa* [Materials for the Study of the Prison Question]. St. Petersburg: Parovaya tipografiya Muller i Bogel'man; 1894, 46 p.
16. Foynitskiy, I. Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem* [The doctrine of punishment in relation to prison science]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke); 1889, 504 p.

Информация об авторе

Еременко И. П. – инженер.

Information about the author

Eremenko I. P. – engineer.

Статья поступила в редакцию 03.08.2024; одобрена после рецензирования 28.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 03.08.2024; approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.